

УДК 81'23:81'42

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ОСНОВА АГНОНИМОВ

Е.А. Зайцева, И.В. Новикова

Тверской государственной университет, Тверь

Феномен агнонимии рассматривается в статье с точки зрения теории индивидуального знания. Рассмотрение языковых единиц в аспекте присутствия или отсутствия в сознании носителей языка представления о значении этих единиц (с точки зрения агнонимии) вызывает сегодня большой интерес и приводит к новым открытиям. В агнонимах отражается отношение говорящего человека к собственному лексикону, способ существования лексических элементов в человеческом сознании.

Ключевые слова: агнонимия, агноним, лексикон, индивидуальное знание.

На протяжении нескольких десятков лет специалисты в сфере лингвистики проявляют интерес к антропоцентрической интерпретации языковых фактов.

В любом языке существуют лексические единицы, которые приводят носителей того или иного языка в замешательство. Такие лексические единицы оказываются совершенно неизвестными, абсолютно непонятными или малопонятными словами (фразами) для большинства языковых личностей. Для обозначения таких лексических единиц русского языка в конце XX века был введён термин «агноним». Он был представлен русскими лингвистами В.В. и А.В. Морковкиными в их основательной монографии «Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)» [14].

В.В. и А.В. Морковкины полагают, что

«агнонимы – это совмещённая единица лексического синтаксиса, представляющая собой совокупность единиц родного языка, которые неизвестны, непонятны или малопонятны многим его носителям» [14: 87].

Основоположники теории агнонимии ссылаются на антропоцентрическую основу агнонимов. Рассмотрение языковых единиц в аспекте присутствия или отсутствия в *сознании носителей языка* представления о значении этих единиц (другими словами, с точки зрения агнонимии) – это одна из актуальных тем в сфере психолингвистики в настоящий момент.

Вслед за Е.С. Кубряковой Г.М. Мандрикова считает, что антропоцентрический подход заключается в том, что

«научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели. Он знаменует тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс» [12: 3–4].

Вместе с тем кажется очевидным, что исследование конкретных языковых, в том числе лексических, фактов и категорий под антропоцентрическим углом зрения все еще не приобрело того размаха, которого они заслуживают.

Однако еще в 1977 году А.А. Залевская сфокусировала внимание на роли слова как средства доступа к единой информационной базе человека, формирующейся по закономерностям психической жизни индивида, но под контролем социума и – шире – культуры [7]. Александра Александровна сравнивает слово с лазерным лучом, считывающим голограмму. Известно, что голограмма характеризуется, в частности, объёмностью и тем, что по её части можно восстановить целое, повернуть это целое различными гранями, увидеть его в разных ракурсах. Подобно этому слово «высвечивает» в индивидуальном образе мира некоторый объект (действие и т.д.), включённый в определённую ситуацию; при этом и объект, и ситуация могут обернуться любой гранью при их изначально подразумеваемой целостности и эмоционально-оценочной помеченности (с позиций социума и/или личности). Образ лазерного луча при считывании голограммы должен был показать, что для пользователя языком в естественных ситуациях (в отличие от условий лингвистического анализа) важно не слово само по себе, а именно то, что стоит за словом (т.е. хранится в памяти и может быть из неё извлечено во всём богатстве связей и отношений) в единой информационной базе человека [9].

Говоря о слове, мы часто используем словосочетания «языковое сознание», «слово в языковом сознании». Однако, обращаясь к работам разных ученых, мы обнаруживаем, что термин «языковое сознание» понимается далеко не однозначно. Этот факт говорит о том, что понятие, скрытое за ним, расплывчато и влечет за собой широкий круг вопросов и проблем.

Такой неоднозначности способствует сам термин, представляя собой сочетание слов, относящихся к различным, хоть и сближающимся областям: психологии и лингвистике. И, как полагают многие учёные, среди которых Е.Ф. Тарасов, «главное в этой дихотомии “сознание и язык”, естественно сознание» [21: 26].

Но и понятие сознания не находит однозначно признанной трактовки. Например, согласно С.Л. Рубинштейну [16], сознание – это психическая деятельность, состоящая в рефлексии мира и самого себя, а «единицей» сознательного действия является целостный акт отражения объекта субъектом, включающий единство двух компонентов: знания и отношения. По А.Н. Леонтьеву [11], сознание – это открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния. Образы сознания, по мнению А.Н. Леонтьева, как совокупность перцептивных и концептуальных знаний личности об объекте реального мира для своего ментального существования у личности и, в первую очередь, в обществе требуют овнешнений, доступных для стороннего наблюдателя. Эти овнешнения могут быть предметами, действиями, словами, которые А.Н. Леонтьев также квалифицирует как предметы. А.Н. Леонтьев развил и обосновал идею об основополагающем значении предметной деятельности в развитии сознания. По его мнению, основной характеристикой деятельности является ее предметность. Образ возникает в условиях активной ориентировки субъекта в предметной ситуации; образ несет в себе ту систему объективных отношений, в которых существует отражаемый им предмет; образ субъективно обусловлен,

он зависит от потребностей, мотивов, установок, эмоций; формирование и развитие образа осуществляется посредством важнейших психических процессов (ощущение, восприятие, память, воображение, мышление), реализующих сознание как осмысленное отражение мира.

Тейяр де Шарден [22] наделяет сознание такими качествами, как способность мыслить, творить, производить ментальные операции абстрагирования, обобщения и рефлексировать.

Н.В. Дмитриук подчеркивает, что

«сознание как форма отражения мира существует и имеет смысл только в обществе, и как общественный феномен (являясь социально опосредованным отражением действительности) сознание осуществляется человеком, является продуктом деятельности его мозга. В процессе исторического развития общества формирующиеся идеи, взгляды, отношения складываются и существуют в сознании и представлении конкретных людей как свойство индивидуальной психики. Вместе с тем общественное сознание, складываясь из суммы представлений конкретных индивидов, способно так или иначе влиять на психическое развитие индивида, на формирование его мировоззрения, субъективно-личностных и социальных установок, то есть его индивидуального сознания в целом» [2: 21-22].

Т.Н. Ушакова обобщает:

«с сознанием связываются высшие формы психического функционирования: способность к мысли, разумности, творчеству, рефлексии, способность понимать скрытые свойства мира, вырабатывать абстрактные отвлеченные и обобщенные представления, формировать моральные понятия, нести ответственность за свои действия, способность осуществлять масштабные действия с привлечением значительных природных и человеческих ресурсов» [25: 15].

Полагая, что одна из основных функций языкового сознания – выражение себя вовне и принятие на себя языковых воздействий, Т.Н. Ушакова делает вывод, что «языковое сознание» равнозначно «речевому сознанию». Рассматривая речевое сознание как вид языкового сознания, Т.Н. Ушакова [25; 26] говорит о его существовании в жизни, отмечая, что любое состояние нашего сознания с той или иной степенью совершенства подлежит вербальному выражению. Это и наша бытовая речь, и произведения писателей, поэтов, литераторов, ученых, философов. Работа профессионалов слова (а мы добавим: и непрофессионалов) состоит в том, чтобы выразить в слове свое понимание, мысль, чувство, т.е. состояние сознания. Сознание людей, бесспорно, и на себе испытывает словесное воздействие. Т.А. Фесенко [27] включает в языковое сознание лингвокогнитивную компетенцию индивида, обеспечивающую стратегию поиска оптимальных вариантов вербализации, а также этнокультурно маркированную ассоциативную компетенцию носителя языка, благодаря которой осуществляется ассоциирование вербального материала с фрагментом реального мира и коммуникативной ситуацией.

И.А. Стернин [20] предлагает разграничивать языковое, коммуникативное и когнитивное сознание, и, соответственно, выделяет три возможных уровня их исследования: традиционное лингвистическое, психолингвистическое и нейролингвистическое описание. Языковое сознание понимается исследователем как

совокупность психических механизмов, «часть сознания», обеспечивающая процесс речевой деятельности индивида. В этом случае исключается интегративная функция слова как овнешнителя вербально-авербальных образов сознания и практически исключается детерминирующая роль деятельности по отношению к порожденному ею общению и сознанию.

Языковое сознание в условиях глобализации рассматривают многие учёные (см., например, [15; 18; 23]). Н.В. Уфимцева [24], также рассматривающая языковое сознание в условиях глобализации, отмечает, что глобализация ведёт к устранению культурного многообразия мира. Н.В. Уфимцева основывается на экспериментальных исследованиях А.Г. Сониной [19], доказавшего, что в современной культуре вербальный знак постепенно утрачивает свои позиции как главное средство передачи информации и заменяется полимодальным текстом, в котором доминантным является изображение, служащее заданным контекстом для восприятия слова.

Таким образом, вслед за А.А. Залевской [8] отметим, что термин «языковое сознание» довольно часто используют как синонимичный терминам «речевое сознание» и «языковое мышление»; под языковым сознанием нередко понимают то, что точнее следовало бы называть «метаязыковым сознанием», и т.д. Перечисленные термины, по мнению А.А. Залевской, используются один вместо другого и из стилистических побуждений, хотя их следовало бы четко разграничивать, поскольку каждый из них не только предполагает определенный ракурс рассмотрения того, что получает выход на уровень актуального сознавания, но может также быть связанным с той или иной научной концепцией. В связи с этим А.А. Залевская [8] предлагает, прежде всего, исходить из того, что речемышление протекает на различных уровнях осознаваемости. В работах А.Н. и А.А. Леонтьевых разграничиваются четыре уровня осознаваемости: актуальное сознавание, сознательный контроль, бессознательный контроль и неосознаваемое; имеет место постоянная динамика переходов между этими уровнями. В процессах речемышления и общения роль такого ориентира играет *переживание понятности*, достаточными для которого могут быть перцептивно-когнитивно-аффективные опоры, не находящие выхода в вербализацию и осознавание, но мгновенно «подпирающие» понимание.

С 1997 года, с тех пор как В.В. и А.В. Морковкины впервые заговорили об агнонимах, было проведено немало исследований, так или иначе связанных с вопросами агнонимии. Результаты наших собственных исследований представлены в [3; 4; 5; 6]. Эта проблема, несмотря на глубокое и в полной мере пионерское её рассмотрение в известной монографии В.В. Морковкина и А.В. Морковиной «Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)», настолько многоаспектна, что продолжение её исследования с иных позиций (коммуникативных, когнитивных, ортологических и проч.) представляется вполне оправданным.

Например, в работе Н.П. Зыбиной [10] дается определение феномена агнонимии в его теоретическом аспекте, описывается уровень агнонимической

активности фразеологических единиц у носителей языка. С точки зрения Н.П. Зыбиной, агнонимы – это то, что представитель определенной языковой группы когда-то знал, но забыл, или приблизительно понимает роль языковой единицы. Базой разработки в данной статье являются результаты лингвистического эксперимента.

Н.С. Молчанова [13] представила основные выводы, которые были сделаны в ходе исследования, посвящённому уровню агнонимичности в художественном тексте и осознанию своеобразной интерпретации агнонимичных групп современным читателем. Собранные материалы привели к заключению, что большинство единиц языка оказываются агнонимами для читателя в настоящий момент времени, более того, контекст не всегда содействует его толкованию.

Н.Ю. Буряк [1] рассмотрела проблему малоизвестных и совершенно непонятных выражений и слов представителям родного языка. Она рассматривает термин агноним с иной точки зрения. По её мнению, во-первых, при помощи агнонимической лексики можно охарактеризовать незаполненные ячейки в лексиконе, как индивидуально-личностные, так и коллективные. Во-вторых, такая единица помогает раскрыть свойственные современному носителю языка области агнонимической активности.

Предпринять попытки выяснения образования агнонимического феномена попыталась Е.О. Савина [17]. В своей работе она подробно изучает обстоятельства формирования агнонимической ситуации.

Накопленный достаточно большой теоретический и практический материал позволяет говорить об антропоцентрической категории агнонимии как о сложном, многостороннем объекте, изучение которого ведется сразу по нескольким направлениям. К числу таких направлений/аспектов можно отнести коммуникативный, когнитивный, ортологический, лингвокультурологический и некоторые другие.

В каждом из этих направлений изучение агнонимии требует разработки собственных исследовательских процедур, что также способствует расширению проблемного поля данной антропоцентрической категории.

Список литературы

1. Буряк Н.Ю. Проблемы агнонимии в культуре языковой личности // Культурная жизнь Юга России, 2015. №2. С. 11–22.
2. Дмитриук Н.В. Языковое сознание в неомогенной лингвокультурной среде: попытка теоретического обоснования. Шымкент, Москва, 2000. 138 с.
3. Зайцева Е.А. Некоторые особенности понимания «агнонимов» // Психолингвистические исследования: слово и текст: Сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С.28–35.
4. Зайцева Е.А. Экспериментальное исследование особенностей хранения билингом лексических единиц разной степени освоенности // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. Вып. 4. С.36–41.
5. Зайцева Е.А. Слово в индивидуальном сознании: степени освоенности слов носителями языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. 18 с.
6. Зайцева Е.А. Слово в индивидуальном сознании: особенности восприятия

некоторых глаголов // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. Вып. 6. С.44–51.

7. *Залевская А.А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека: Учеб. пособие. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. 83 с.

8. *Залевская А.А.* Языковое сознание и описательная модель языка // Методология современной психолингвистики: Сб. ст. М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003а. С.35–49.

9. *Залевская А.А.* Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова: монография / А. А. Залевская. М.: Директ-Медиа, 2014. 328 с.

10. *Зыбина Н.П.* Явление агнонимии в лексиконе языковой личности: экспериментальное исследование // Мир науки, культуры, образования, 2013. №4(31). С. 27–41.

11. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

12. *Мандрикова Г.М.* Русская лексическая система в теоретическом и прикладном рассмотрении: категории агнонимии и таронимии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 39 с.

13. *Молчанова Н.С.* Агнонимичная лексика в текстах художественных произведений и проблема ее восприятия // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2014. №8(14). С. 56–63.

14. *Морковкин В.В., Морковкина А.В.* Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: АО «Астра семь», 1997. 414 с.

15. *Портнов А.Н., Смирнов Д.Г.* Языковое сознание и семиотическое измерение глобализационных процессов // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2004. С. 28–35.

16. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 1998. 705 с.

17. *Савина Е.О.* Агнонимы в языке и в тексте // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2014. № 6(23). С. 34–47.

18. *Согомонов Ю.В.* Глобализация и аксиосфера // Антропологическое измерение глобализационных процессов: Мат-лы межвуз. науч. конф. «Философско-антропологическая аналитика бытия человека в глобальном мире». Владимир, 7–9 октября 2003 г. Владимир, 2003. С. 154–161.

19. *Сонин А.Г.* Комикс как форма вербально-авербального овнешнения сознания // Методология современной психолингвистики: Сб. статей. М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 138–155.

20. *Стернин И.А.* Языковое, коммуникативное и когнитивное сознание: проблема разграничения // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: Тезисы XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29 – 31 мая 2003г. М., 2003. С. 264–265.

21. *Тарасов Е.Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000. С.24–32.

22. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М.: Наука, 1987. 239 с.

23. *Удовин С.Л.* Глобализация: семиотические подходы. М., Киев, 2002. 461 с.

24. *Уфимцева Н.В.* Глобализация и языковое сознание // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: Тезисы XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29 – 31 мая 2003г. М., 2003. С.282–283.

25. *Ушакова Т.Н.* Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000. С.13–23.

26. *Ушакова Т.Н.* Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2004. С. 6–17.

27. *Фесенко Т.А.* Языковое сознание: взаимодействие ментальной и культурной реальности // Методология современной психолингвистики: Сб. ст. М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 175–184.

ANTHROPOCENTRIC ESSENCE OF AGNONYMS

E. Zaitseva, I. Novikova

Tver State University, Tver

The article considers the phenomenon of agnomy in the aspect of the individual vocabulary theory. Consideration of vocabulary items in the aspect of the presence or absence in the minds of native speakers of the idea of the meaning of these items (from the point of view of agnomy) is of great interest today and leads to new discoveries. Agnomys reflect the attitude of the speaker to his or her own vocabulary, the way in which lexical elements exist in human consciousness.

Key words: *psycholinguistics, vocabulary items, individual vocabulary, agnomym, word knowledge, communication.*

Об авторах:

ЗАЙЦЕВА Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100 г. Тверь ул. Желябова, 33);
e-mail: e_zaitseva@mail.ru

НОВИКОВА Инна Вальтеровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100 г. Тверь ул. Желябова, 33);
e-mail: Novikova.IV@tversu.ru